

История Китая эпична... Невозможно понять волнующее будущее этой страны, не разобравшись в ее поразительном прошлом.

Traveller Magazine

Не принося суть в жертву краткости, автор сумел захватывающе рассказать историю Китая... Читатели, хоть немного знакомые с историей страны или только собирающиеся с ней ознакомиться, непременно полюбят эту книгу. Настоятельно рекомендуем.

Library Journal

В книге умело и с большой точностью передана суть научных дебатов по истории Китая — особенно дебатов между археологами и литературоведами.

Philadelphia Inquirer

Ясный, доступный рассказ с непревзойденным колоритом, разворачивающий перед читателем необыкновенную панорамную перспективу.

Open Letters Monthly

Империя подразумевает мировое господство — экспертный анализ истории Китая делает мир древних императоров поразительно современным и актуальным.

Observer

ДЖОН КЕЙ

ПОЛНАЯ ИСТОРИЯ
КИТАЯ

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)
К33

John Keay
CHINA
A History

Перевод с английского Виктории Степановой

Научный редактор: Дмитриев С. В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором древней и средневековой истории Китая Института востоковедения РАН

Текст печатается по изданию: *Keay Дж.* Китай: От Конфуция до Мао Цзэдуна / Пер. с англ. В. В. Степановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020.

Кей Дж.

К33 Полная история Китая / Джон Кей ; [пер. с англ. В. В. Степановой]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. — 736 с. : ил.
ISBN 978-5-389-24778-9

От дописьменного периода до конца XX столетия — видный британский историк Джон Кей представляет масштабную последовательную историю Китая. Созданная на богатом материале архивных источников, в том числе неопубликованных, эта книга уже признана в мире классикой.

В подробном введении дается представление о географии Китая, хронологии его истории и особенностях языка, топонимов и имен собственных.

В следующих разделах вы узнаете все самое главное о легендарных Пяти императорах, о мифическом царстве Ся и доимперских государствах Шан и Чжоу, об археологических находках, относящихся к бронзовому и железному векам, о периоде Сражающихся царств; о влиянии Конфуция, об объединении Китая Первым императором Цинь Ши-хуанди, о Культурной революции Цинь, возвышении и упадке Хань; о правлении династий Суй, Тан и Сун, об эпохе Пяти империй и Десяти государств, о триумфе и падении Мин. Освещены темы маньчжурского завоевания, ситуации в Джунгарии, Синьцзяне и Тибете, кризис Цин, ход Опиумных войн и восстание тайпинов; боксерское восстание, переход страны от империи к республике, события Русско-японской, Первой и Второй мировых войн и Культурной революции Мао Цзэдуна.

Снабженное солидным справочным аппаратом, цветными вклейками, картами и таблицами, издание будет интересно широкому кругу читателей.

«Эта книга предназначена для удовлетворения насущной потребности — представить читателю обзор истории Китая, для понимания которого не требуется предварительное знакомство с темой или знание китайского языка... История Китая достаточно длинна, а культура достаточно сложна. Искренне надеюсь, что в итоге усилия читателей будут вознаграждены сполна». (*Джон Кей*)

ISBN 978-5-389-24778-9

© John Keay, 2008

© HarperCollinsPublishers, designed by HL Studios, Oxfordshire, maps and diagrams

© Степанова В. В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2024

КоЛибри®

Философ сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не тот ли благородный муж, кто не гневается, что он неизвестен другим?» [1]

*Конфуций. Беседы и суждения. Глава 1
(пер. П. С. Попова)*

Тот, кто не забывает прошлого, властвует
в настоящем [2].

Сыма Цянь. Исторические записки

Введение

ПЕРЕПИСЫВАЯ ПРОШЛОЕ

Экономическое возрождение Китая в постмаоистскую эпоху прошло не без потерь. Исчезли портреты Председателя Мао, многолюдные шествия рабочих с флагами и вооруженные мотыгами бригады на колхозных полях. Жилые кварталы, плотно застроенные по единому образцу, исполняют новую хореографию, транспортные эстакады встают над рисовыми полями, священные горы опутаны канатными дорогами, корабли на подводных крыльях рассекают гладь озер, которыми когда-то любовались поэты. Привычные очертания исторического ландшафта исчезли или превратились в достопримечательности для туристов. Торжественно выставленные на внутренний и внешний рынок, они неудержимо манят к себе представителей еще одного разрушительного братства — ученых из разных стран. Когда история переписывается с таким размахом, ничего святого не остается. Великая стена, Великий канал, Великий поход и даже большая панда — мифы, объявляют ученые-ревизионисты, способствуя возникновению взаимосвязей, а значит, невежественные вымыслы иностранцев следует заимствовать в интересах китайского шовинизма.

Вопреки заявлениям туристических брошюр было установлено, что возраст Великой стены вовсе не достигает двух тысяч лет, ее длина не десять тысяч километров и она не видна из космоса (на самом деле во многих местах она не видна даже на земле). К тому же она никогда не была единым непрерывным сооружением [1]. Она не сдержи-

вала набегу разбойников-кочевников, и не это было первоначальной целью ее постройки — вместо того чтобы обозначать и защищать существующие территориальные границы Китая, она предназначалась, возможно, для их планового расширения [2]. Фрагменты Великой стены в окрестностях Пекина, которые сегодня можно с удобством осмотреть, были реконструированы именно ради подобного осмотра, а в их основании лежат остатки укреплений эпохи Мин, не старше дворцов Запретного города или лондонского Хэмптон-Корта.

Точно так же обстоит дело с Великим каналом. Протянувшийся от дельты Янцзы до Хуанхэ на расстояние около 1100 километров, канал предположительно играл роль главной артерии между плодородным «сердцем» (центральной областью) Китая и «мозгом», где находилось правительство. Сооруженный в VII веке, он действительно связывал изобильные южные земли с неурожайным севером, соединяя два основных географических компонента политической экономики Китая, и служил крайне необходимой магистралью для массовой транспортировки грузов и распространения влияния империи. Однако он тоже не был цельным единым сооружением — скорее это была череда умело спроектированных водных путей, соединяющих между собой протоки дельты Янцзы, а в других местах связывающих притоки этой реки с притоками Хуайхэ, в свою очередь связанными с блуждающей Хуанхэ. Но вся эта система практически никогда не была задействована одновременно. Реки имели переменное течение, поскольку сезон дождей на севере не совпадал с сезоном дождей на юге. Для перетаскивания тяжелых грузовых судов и обслуживания плотин требовалась колоссальная рабочая сила; углубление дна и техническое обслуживание каналов обходилось непомерно дорого. Наконец, общая работа системы требовала слишком частой реорганизации. Поэтому в наше время у Великого канала почти столько же заброшенных участков, сколько и у Великой стены [3].

Еще больше противоречий вызывает Великий поход, эпос о героическом начинании коммунистов в 1934–1935 гг., который в наши дни называют совсем не таким долгим и не таким героическим, как было принято считать. Говорят, что размах и количество сопровождавших его битв и перестрелок преувеличены (или попросту выдуманы) в целях пропаганды, а из восьмидесяти тысяч солдат, выступивших в поход в Цзянси на юго-востоке, лишь восемь тысяч измерили пешим маршем горные хребты Китая до округа Яньань на северо-западе. Из

оставшихся часть погибла, но большинство просто сбежало задолго до окончания пути длиной почти десять тысяч километров. Из тех же, кто продержался до конца, по крайней мере одному человеку редко приходилось идти пешком: самого Мао несли на носилках [4].

В чуть более устойчивом положении пребывает большая панда, олицетворение (если можно так выразиться) видов, находящихся под угрозой исчезновения. В 1960-е и 1970-е гг. эти редкие животные, вместе с виртуозными мастерами игры в пинг-понг, стали неожиданно ценным инструментом в дипломатическом арсенале обложенной со всех сторон Китайской Народной Республики. Широко востребованные зоопарками всего мира панды, особенно самки, преподносились в дар достойным главам государств. Это был своего рода жест дружбы, и экспериментальное размножение панд поощрялось, словно его успех мог каким-то образом укрепить политический союз. Но теперь этой практике пришел конец. На основе редких упоминаний в классических текстах (например, в «Книге документов» — «Шу цзин», фрагменты которой предположительно датируются 2-м тысячелетием до н. э.)¹ для панды была выведена родословная несомненной древности, и ей было присвоено имя на стандартном китайском — *Да сюн-мао*, или «Большой медведь-кошка». Повадки панды были сочтены достаточно безобидными, чтобы сделать ее универсальным символом мира. Благодаря ревностной заботе численность панд стабилизировалась и, пожалуй, даже выросла. А чтобы никому не пришло в голову вынашивать коварные замыслы относительно национального символа, вывоз большой панды был запрещен. Теперь все панды принадлежат Китаю. Иностранцы могут арендовать их на срок до десяти лет, годовая арендная плата составляет около двух миллионов долларов США, а детеныши, родившиеся за это время, наследуют гражданство матери — и те же условия контракта. Большая панда, черно-белое изображение которой украшает логотипы самых разных брендов, сама стала франшизой.

Во всем этом нет ничего удивительного или достойного сожаления. Любая история рано или поздно подвергается пересмотру, а по-

---

¹ Другой вариант перевода — «Канон записей» (или «Шан шу» — «Чтимые записи»). Вероятнее всего, главы этого важнейшего текста китайской традиции были зафиксированы не раньше VIII–VII веков до н. э. на основе более древних, возможно в каком-то виде передававшихся изустно, литургических преданий. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

скольку китайцы интересовались своей историей больше и дольше, чем представители любой другой цивилизации, их история менялась чаще, чем любая другая. Только за прошедшее столетие книги по истории пришлось переписывать как минимум четырежды — в интересах националистической мифологии, затем марксистской диалектики классовой борьбы, затем маоистских постулатов о динамике пролетарской революции и, наконец, тезиса рыночного социализма о совместимости авторитарного правления с накоплением богатств.

Широко распространенное утверждение, объявляющее современный Китай преемником «самой древней непрерывно существующей цивилизации в мире» (возрастом от трех до шести тысяч лет, в зависимости от достоверности публикации), ожидает такая же придирчивая проверка, как Великую стену или большую панду. И хотя сейчас это утверждение широко поддерживают сами китайцы, подобные притязания звучат не менее подозрительно, чем прочие обобщения. Возможно, под тремя или шестью тысячами лет непрерывно существующей цивилизации подразумевается всего лишь три или шесть тысяч лет цивилизации, которую другие народы находят неизменно непостижимой? Так или иначе, характер этой цивилизации, а также мотивы тех, кто отстаивает ее непрерывность, нуждаются в пристальном разборе. Настойчивые разговоры о преемственности кажутся особенно подозрительными в свете революционных потрясений минувшего века. И фрагменты Великой стены, и сохранившиеся участки Великого канала, и обрывочные исторические документы Китая по отдельности заслуживают ничуть не меньше внимания, чем составленное из них гордое целое.

Но в одном смысле непрерывность не вызывает сомнений: китайские ученые были одержимы прошлым своей страны практически с тех самых пор, как у нее появилось прошлое. Подобно многим другим народам, древние китайцы свято верили, что когда-то на их земле царил изначальное совершенство, доисторический Эдем, выраженный (в их случае) в добродетельной иерархии, где космические, природные и человеческие силы взаимодействовали друг с другом в гармонии и согласии. Чтобы направить человечество к новому воплощению идеализированного прошлого, следовало обращаться не к пророчествам, а к истории — в старинных текстах можно было отыскать и решение современных дилемм, и прогнозы на будущее. «Книга документов» и другие старинные компиляции приобрели

канонический статус — их изучали и толковали так же внимательно и почтительно, как в других странах изучают Священное Писание и иные божественные откровения. Знакомство с классическими текстами было не только приметой учености, но и главным знаком принадлежности к китайской нации и мерилом культурного развития.

Кроме того, оно было необходимым условием для государственной службы. Прецедент и практика, заимствованные из старинных текстов, служили валютой в политических спорах. Правильно истолкованные исторические прецеденты могли подтвердить законность правления, санкционировать инициативу или предупредить об опасности. Но вдобавок ими можно было манипулировать, чтобы узаконить власть узурпатора, развернуть репрессии или препятствовать реформам. Образованные вельможи использовали их в качестве завуалированной критики: отсылки к прошлому позволяли отрицательно отозваться о текущей политике, не навлекая на себя гнев высокопоставленных особ, — или, наоборот, запутать дело и снять с себя ответственность.

В 1974 г. с целью дискредитировать Линь Бяо (военного, ранее считавшегося преемником Мао) руководство Коммунистической партии Китая развернуло кампанию против Конфуция, культурного колосса, тесно связанного со всей текстовой традицией. Что общего могло быть у мыслителя, жившего в V веке до н. э., и революционера XX столетия? Разумеется, «реакционные» настроения. Но поскольку реакционность Линь Бяо не сразу стала очевидной для политработников, привыкших воспевать его как самого прогрессивного из коммунистических лидеров, необходимо было выставить его на порицание вместе с философом, чьи доктрины после Культурной революции нельзя было считать ничем иным, кроме наглядного образчика реакционности. Принцип, заимствованный из баллистики и знакомый всем китаеведам, был прост: наводи на дальнюю цель, чтобы поразить ближнюю. Двойной лозунг официальной кампании «Против Линь Бяо — против Конфуция» вызвал предсказуемый выброс пара в кружках марксистов и отвлек внимание от довольно таинственной кончины и опалы злосчастного маршала Линя [5].

В минувшем столетии, столь богатом на революции (националистическая, коммунистическая, культурная, рыночно-социалистическая), ревизионистам порой приходилось изрядно поторопиться, чтобы успеть за событиями. Впрочем, их затруднения не новы. Не-

обходимость постоянно пересматривать, перерабатывать, заново интерпретировать и дополнять исторические хроники с незапамятных времен ложилась бременем на каждое следующее китайское правительство. В периоды смены династий это бремя становилось особенно тяжелым, но даже в золотую эпоху Тан (618–907) управление историей оценивалось с политической точки зрения так же высоко, как сегодня управление экономикой. Историография была не отвлеченным научным времяпрепровождением, но жизненно важной функцией правительства. Глава управления историографии занимал в имперской бюрократии не последнее место, пользовался всеми льготами и привилегиями высокого положения и имел в подчинении обширный штат высококвалифицированных служащих, производивших обильную бумажную работу (до определенного времени «бумажную» в переносном смысле, поскольку самой древней разновидностью писчего материала были бамбуковые планки).

Анализ официальной историографии эпохи Тан показал, к каким кропотливым методам компиляции прибегало управление историографии, чтобы расширить исторические хроники, опираясь на близкие по времени источники [6]. На первом этапе материалы добывали из официальных судебных журналов и административных записей, дополняя их документами различных правительственных ведомств. Так возникла подборка официальных протоколов под названием «Ежедневный календарь»¹. Затем из ежедневных календарей извлекали самое существенное и переносили в годовые достоверные отчеты², на основании которых создавали государственную историю³ одного правления за другим, а те, в свою очередь, служили основой для утвержденной истории⁴ каждой империи.

¹ Так называемые *жилй*, первые сведения о которых относятся к IX веку н. э.

² Вероятно, автор имеет в виду *шиллу* («правдивые записи»), которые начали составляться в VI веке н. э. Самые старые из сохранившихся *шиллу* относятся к IX веку н. э. Обычно *шиллу* составляли после конца правления монарха.

³ Возможно, автор подразумевает *хуэйяо* («собрание важнейшего»), первая из которых была составлена в начале IX века и описывала историю империи Тан от основания до времени составления труда.

⁴ Имеются в виду *чжэньши* — официальные или династические истории. Они обычно писались после конца существования того или иного государства, чей правитель считался достойным претендовать на императорский трон, и утверждались правящим монархом. Существует 24 истории такого типа. Схема историописания, описанная автором, верна, но такой сложный, ступенчатый

Разумеется, подобный накопительный подход подразумевал множество повторений, и хотя (пожалуй, и к лучшему) до нас дошла лишь часть этих материалов, утраченное можно в какой-то мере восстановить по цитатам из других мест. Учитывая возможность компилировать параллельную документацию властей многочисленных провинций, учитывая существование разного рода неофициальных текстов, а также тенденцию снабжать все эти материалы комментариями и ссылаться на них при составлении энциклопедий, антологий, биографических словарей и прочих внушительных компендиумов, никак нельзя утверждать, будто история Китая недостаточно документирована.

ЧЕРНАЯ РАБОТА

Следовательно, и нам не нужно извиняться за стремление подбросить в этот курган эрудиции еще одну лопату материала. Мы лишь пытаем надежду сделать историю Китая более доступной и вместе с тем более внятной и связной.

Подборки официальных и неофициальных документов почти целиком связаны с деятельностью правящей знати Китая и доступны нам лишь в той готовой отредактированной форме, которую им придала знать. Более захватывающая добыча, извлеченная непосредственно из китайского ландшафта и не затронутая научной переработкой, раньше ценилась на вес золота. В начале XX века, после того как европейские археологи наткнулись на занесенные песками древние буддийские святилища вдоль Шелкового пути в провинциях Ганьсу и Синьцзян, ученых охватила настоящая золотая лихорадка: музеи Британии, Франции, Германии и России¹ стремились заполучить свою долю из последней (как тогда предполагали) великой сокровищницы китайского искусства². Но «золотая жила» на Шелковом

механизм функционировал далеко не всегда, а только в правление наиболее устойчивых и при этом заинтересованных в историописании империй Средневековья и Нового времени.

¹ К списку стоит добавить Японию.

² Находки в Восточном Туркестане относятся далеко не только (и даже не столько) к сокровищам китайской культуры, сколько к наследию других культур этого региона, тесно связанных как с Китаем, так и с Индией, Тибетом и Центральной Азией. До указанных находок про эти богатые и самобытные культуры не было известно практически ничего.

пути оказалась лишь предвестницей подлинного археологического взрыва. Позднее, в XX веке, на свет были извлечены гадательные кости Аньяна, Таримские мумии, множество неолитических стоянок, сенсационная «терракотовая армия» и императорские гробницы эпохи Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.). История Китая, и без того достаточно долгая, с каждым годом становилась все длиннее. Существующие данные требуют постоянного обновления, а новые открытия стали теперь столь некстати изобильными, что за время, отделяющее раскопки от публикации их результатов, неоконченные труды, такие как эта книга, имеют риск безнадежно устареть.

«Начиная раскопки на просторах Великой Китайской равнины или на севере провинции Чжэцзян, где с древнейших времен располагались центры китайской цивилизации, — писал Эрик Цюрхер в 1950-х гг., — трудно хоть что-нибудь *не найти*» [7]. Работы Цюрхера посвящены распространению буддизма в IV–V веках. Приверженцы новой веры обладали поразительной способностью отыскивать в китайской земле буддийские реликвии, когда противники начинали критиковать иноземное (индийское, а не китайское) происхождение их религии. Такие находки не только гипотетически подтверждали длительность существования буддизма в Китае, но и считались в высшей степени благоприятными знаками. Если упадок императорской династии обычно сопровождался рядом дурных знамений (наводнение, засуха, нашествие саранчи и т. д.), то о возвышении новой династии сообщала череда благоприятных предзнаменований, из которых самым ценным считалась находка какого-нибудь стародавнего артефакта. Поскольку древность так высоко ценилась сама по себе, обнаружение, скажем, урны бронзового века явно означало благоволение Небес к той новой ветви правления, которая претендовала на ее открытие.

Не исключено, что подобные представления были по-прежнему сильны и влияли на работу китайских археологов даже в середине XX века. Национальное возрождение, возникшая в 1912 г. Китайская Республика и Китайская Народная Республика, начавшая существование в 1949 г., требовали исторической легитимации. Ученые и чиновники, выросшие на классических историях и подогреваемые духом национального возрождения, знали, что искать истоки китайской цивилизации следует на севере страны. Все ресурсы были направлены туда, и, как справедливо заметил Цюрхер, работа археологов в этом регионе вряд ли могла остаться не вознагражденной. К всеобщему

удовольствию, раскопки действительно позволили получить обширные доказательства существования и древности китайской цивилизации в северных провинциях, особенно в бассейне реки Хуанхэ, что совпадало с данными древнейших текстов и исторических хроник. И только завзятые скептики, в основном живущие за пределами Китая, задавались вопросом: если бы столько же внимания и ресурсов было уделено другим областям, например бассейну Янцзы или югу, разве это не принесло бы сопоставимых по ценности находок, способных уравновесить «перекос к северу» в древнекитайской истории?

Время доказало справедливость этих сомнений. К концу XX века расширение археологической деятельности шло рука об руку со стремительным ростом экономики. Появились финансовые возможности для проведения широкомасштабных раскопок, и поскольку во многих областях шли обширные земляные и строительные работы, археологические находки посыпались как из рога изобилия. Но еще острее стал вопрос изучения и сохранения найденных материалов. Механический экскаватор мог в считанные минуты поднять из земли то, что археологи с лопатами искали годами — но с такой же скоростью он мог уничтожить находку.

Типичный случай произошел в ходе расширения больницы в г. Ма-вандуе на окраине Чаншя́, столицы южной провинции Хунань. Строительство нового крыла больницы «случайно потревожило» соседний курган, на который археологи обратили внимание еще в 1950-е гг. [8]. Дело было доведено до сведения властей провинции, и, получив приказ о немедленном проведении раскопок, группа археологов во френчах «как у Мао» спустилась на место и обнаружила там одну из величайших сокровищниц современности. Были найдены три огромные гробницы, датированные II веком до н. э. В каждой из них находилось несколько вложенных друг в друга монументальных саркофагов — в одном оказалось хорошо сохранившееся женское тело и самые древние в Китае карты и образцы живописи на шелке. Были открыты тексты — ранние версии произведений китайской классики — и множество артефактов, одеяний, символов власти, лаковых изделий и изделий из нефрита, оружия и погребального инвентаря, которых оказалось достаточно, чтобы оправдать постройку в Чанша грандиозного нового музея и наполнить его экспонатами. В 1983 г. еще в одном кургане, на этот раз в центре Гуанчжоу (Кантон), столицы соседней провинции Гуандун, были найдены великолепные гробницы того же пе-

риода, что спровоцировало превращение археологической площадки в своеобразный музей в нескольких минутах ходьбы от городского железнодорожного вокзала. В Гуанчжоу в ходе расчистки площадки для строительства торгового центра недавно были обнаружены самые старые в мире деревянные шлюзы возрастом две тысячи лет. Сейчас они комфортно вписаны в сверкающую архитектуру торгового центра — их можно осмотреть, спустившись на лифте на этаж В1.

Многочисленные находки вдали от предполагаемого центра древнекитайской цивилизации в бассейне реки Хуанхэ призывают к радикальной переоценке сложившихся представлений об облике Китая на рубеже нашей эры. Но хотя сообщения о новых открытиях поступают еженедельно, подобной смелой переоценки пока еще сделано не было. «Кембриджская история Древнего Китая», опубликованная в 1999 г., открыто признала свое поражение. Не имея возможности увязать литературные источники с новыми материальными источниками (или найти автора, готового этим заниматься), редакторы пошли на компромисс и представили некоторые периоды параллельными главами, одна из которых опирается на письменные источники, а другая — на археологические находки. Иногда они согласуются друг с другом, иногда нет. Древняя история Китая пока еще ждет того, кто сможет ее убедительно переписать.

КОЛЫБЕЛЬ, ОСНОВА И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ

Наша книга вносит в решение этой задачи лишь скромный вклад, поскольку она предназначена для удовлетворения гораздо более насущной потребности — представить читателю обзор истории Китая, для понимания которого не требуется предварительное знакомство с темой или знание китайского языка. Имеющаяся литература на английском языке заставляет заподозрить существование международного сговора (если не сказать — заговора), цель которого — сделать этот предмет как можно более сложным и непонятным. Отчасти это обусловлено научной конкуренцией колониальной эпохи, и мы еще поговорим о ней отдельно; история Китая достаточно длинна, а культура и без того достаточно сложна. Возможно, от читателей это потребует некоторого напряжения, но я искренне надеюсь, что в итоге их усилия будут вознаграждены сполна.

Не менее прискорбны, чем научная путаница, и те бездны невежества, из глубин которых иностранцы пытаются судить об истории Китая. Многие могут перечислить с полдюжины римских императоров, но мало кто способен назвать хотя бы одного китайского монарха. Столкнувшись с чередой китайских имен собственных, записанных латиницей, носители индоевропейских языков испытывают нечто вроде избирательной дислексии: все эти имена кажутся им совершенно одинаковыми. Разумеется, в основе проблемы лежит чужеродность китайских наименований, особенно когда речь заходит об общепринятых вариантах перевода географических и хронологических терминов. Преодолеть проблему помогает прилежание и длительное приобщение к предмету, и, рискуя вызвать недовольство у тех, кто уже оставил эти трудности позади, мы далее приводим полезные вводные данные (в сопровождении таблиц).

С административной точки зрения современный Китай делится на двадцать восемь провинций¹. Некоторые из них возникли относительно недавно, но так или иначе занимаемые ими области претерпели определенные изменения. Однако большинство из них имеют долгую историю, поэтому имеет смысл использовать провинциальную терминологию ретроспективно, чтобы обеспечить китайскую историю географическими рамками на всем ее протяжении.

К счастью, в названиях провинций нередко содержатся полезные подсказки относительно их местоположения. *Бэй, дун, нань и си* по-китайски значит «север», «восток», «юг» и «запад», а *шань* переводится как «гора». Таким образом, название Шаньдун («Гора-восток») носит провинция к югу от Пекина, занимающая часть материка и полуостров с изрезанной береговой линией. Первоначально она уходила в глубь материка до растянувшегося с севера на юг горного хребта Тайханшань — отсюда название «к востоку от горы», или «Гора-восток». Согласно той же логике, название Шаньси («Гора-запад») носит провинция, аналогичным образом расположенная к западу от хребта Тайханшань.

---

¹ Вернее, на двадцать три провинции (если считать вместе с Тайванем), пять автономных районов, четыре города центрального подчинения и два специальных административных района. Автор объединяет провинции с автономными районами и исключает города центрального подчинения (Пекин, Чунцин, Шанхай и Тяньцзинь) и специальные административные районы (Гонконг / Сянган и Макао / Аомынь).

Западнее Шаньси находится провинция с очень похожим названием — Шэньси (в нем отражено положение к западу от района под названием Шэньчжоу). Все три провинции примыкают или когда-то примыкали к блуждающей реке Хуанхэ¹. То же касается вклинившейся между Шаньдунем и Шаньси провинции Хэбэй («Река-север», где под рекой по-прежнему подразумевается Хуанхэ). Разумеется, провинция, расположенная к югу от реки, носит название Хэнань («Река-юг»), хотя из-за того, что река так часто меняла курс, небольшая часть Хэнаня теперь находится на северном берегу. Эти пять северных провинций (Хэнань, Хэбэй, Шэньси, Шаньси и Шаньдун) занимают всю территорию плодородной пойменной долины нижнего бассейна Хуанхэ, где, согласно письменной традиции, разворачивались главные события древнейшей истории Китая. Эти провинции традиционно считались колыбелью китайской цивилизации и находились в центре внимания археологов с середины XX века.

К югу от Хэнаня расположена еще одна пара провинций-близнецов. В случае Хубэй и Хунани *Ху* обозначает великое «озеро» или «озёра», в которые Янцзы разливается перед тем, как выйти на побережье. Таким образом, эти две провинции лежат соответственно к северу и к югу от великих озер, то есть, грубо говоря, к северу и к югу от самой Янцзы. Далее на юг, замыкая стержень сердцевинного Китая, идут Гуандун и Гуанси. *Гуан* означает что-то вроде «расширенная (южная) территория». Эти две «расширенные» провинции на крайнем юге лежат соответственно на востоке (*-дун*) и на западе (*-си*) друг от друга. За ними в Южно-Китайском море находится островная провинция Хайнань (*букв.* «к югу от моря») — самая южная часть страны.

Возвращаясь через побережье на север к полуострову Шаньдун, мы видим провинции Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянсу, а также соседние Цзянси и Аньхой — они меньше, и их названия не так явно связаны со сторонами света. В некоторых названиях есть отсылки к направлению, но большинство образованы путем объединения названий двух и более важных центров. Так, название Фуцзянь объединяет в себе портовую столицу *Фучжоу* и *Цзяньнин*, город у внутренней границы Фуцзяни [9]. Между прочим, окончание *-чжоу* когда-то обозначало «островок», условно заселенный «китайцами», на территории неосво-

¹ Хуанхэ, несущая свои крайне богатые илом воды по плоской равнине, зарекомендовала себя как река, крайне склонная к изменению русла.

енной области, затем один из районов такого поселения, а теперь чаще всего главный город региона. И наконец, очевидно, что название города Пекин (Бэйцзин), мегаполиса центрального подчинения в провинции Хэбэй, переводится как «северная столица», а Нанкин (Наньцзин) на реке Янцзы в провинции Цзянсу — как «южная столица», каковой она и была до 1937 г.¹

Все провинции, упомянутые до этого, а также провинцию Гуйчжоу на юго-западе и обширную Сычуань, занимающую большую часть верхнего бассейна Янцзы, иногда называют центральной, внутренней или «основной» областью Китая. Впрочем, термины «центральная» и «внутренняя» довольно противоречивы, поскольку никакие различия между центром и периферией, или внутренним и внешним Китаем, нельзя считать физически убедительными, исторически последовательными или политически обоснованными. Однако эта формулировка может оказаться полезной, если мы хотим отделить семнадцать плодородных, густонаселенных и давно интегрированных «основных» провинций, о которых говорилось выше, от традиционно менее плодородных, менее населенных и менее исторически интегрированных провинций, лежащих ближе к границам современного Китая².

В эту последнюю категорию входят остальные одиннадцать провинций, многие из которых представляют собой обширные территории с резкими природными контрастами и непростой репутацией. Тайвань, длинный остров у побережья Фуцзяни, когда-то был известен европейцам под названием «Формоза». Впоследствии он был отчужден от Китая в ходе японской оккупации в первой половине XX века и националистической оккупации во второй половине XX века³. Расположенная на юго-западе провинция Юньнань, удален-

¹ Нанкин был столицей империи Мин с 1368 до 1421 г., а затем, с 1927 до 1937 и с 1946 до 1949 г., — столицей Китайской Республики. Более того, с 1940 по 1945 г. город был столицей прояпонского режима Ван Цзинвэя, претендовавшего на место единственного легитимного правительства Китая.

² Основным критерием при разделении «внутренних» и «внешних» провинций, конечно, необходимо считать не их населенность или плодородие, а время вхождения в состав китайского государства, и, соответственно, удельную важность некитайских элементов в культуре населения той или иной провинции.

³ Японскую оккупацию, длившуюся более полувека (которой остров обязан высоким уровнем развития инфраструктуры), далеко не все согласны отождествлять с последовавшим за ней периодом восстановления китайской власти Гоминьдана, пусть зачастую и довольно репрессивной.

ная от Тайваня примерно так же, как Техас от Флориды, тоже всегда имела непростые отношения с остальной страной. Эта провинция оседлала климатическую границу между тропической Юго-Восточной и засушливой Центральной Азией — в ее лесах встречаются слоны, а на высоких перевалах фыркают яки.

Дальше на северо-запад открываются бескрайние пустоши под лазурным небом — Цинхай и Сицзан, вместе занимающие обширную область горного плато и за пределами Китая некогда известные как Тибет. Сегодня слово «Тибет», как правило, ассоциируется только с Тибетским автономным районом. К северу и снова на запад остается Синьцзян — самая большая и самая отдаленная из всех китайских провинций, по большей части пустынная, хотя далеко не пустующая. Китайцы когда-то называли ее «западными регионами», а жители других стран — Восточным или Китайским Туркестаном. Нынешнее название переводится просто как «новые территории» (*Синь-цзян*), но местные активисты (в основном тюркоязычные уйгуры-мусульмане) предпочитают название «Уйгуристан».

Возвращаясь на восток вдоль северной границы Китая, мы видим вытянутую провинцию Ганьсу и крошечную Нинся¹ — усыпанные оазисами маршруты, ведущие из «основных» провинций соответственно в Синьцзян и Монголию. Зажатый между болотами Цинхая² и песками Гоби, ведущий с востока на запад «коридор Ганьсу» стал в китайской историографии таким же клише, как «Тибетское плато». Нинся, ориентированная по оси с севера на юг, идет вдоль верхнего течения реки Хуанхэ и вдается в соседнюю провинцию Внутренняя Монголия³. Внешняя, или Северная, Монголия не является частью сегодняшнего Китая; ее граница длинной дугой делит пополам пустыню Гоби с востока на запад, оставляя за Китаем все земли к югу. Пески и степи Внутренней Монголии, таким образом, исполняют роль естественных укреплений оборонительной «длинной стены», вошедшей

¹ Нинся «крошечная» по китайским меркам — по площади (66 400 кв. км.) она чуть меньше Грузии, а по населению (6,5 млн чел.) — больше Ливии и лишь немного уступает Болгарии.

² Цинхай (*тиб.* Амдо) известен не только болотами, но и огромным эпонимным соленым озером Кукунор (*кит.* Цинхай) и суровыми высокогорьями, характерными для Тибетского плато, северной частью которого является этот регион.

³ Формально Тибет, Синьцзян, Нинся, Гуанси и Внутренняя Монголия — не провинции, а автономные районы.

в Великую Китайскую стену. Северная граница Внутренней Монголии — самая длинная международная граница Китая, а ее южная граница проходит вдоль восьми китайских провинций — Ганьсу, Нинся, Шэньси, Шаньси, Хэбэй и трех провинций бывшей Маньчжурии.

Эти последние, в северо-восточном углу, который раньше назывался Маньчжурией (или по-японски Маньчжоу-го¹), названы в честь рек. Название самой северной провинции, Хэйлунцзян, совпадает с китайским названием реки Амур, вдоль которой проходит российско-китайская граница. Название расположенной южнее провинции Цзилинь происходит от маньчжурского слова «вдоль (реки Сунгари)»². Она граничит с Северной Кореей. Ляонин к юго-западу названа в честь реки Ляохэ, она примыкает к провинции Хэбэй и на 300 километров удалена от Пекина. На юг через залив Бохайвань Ляонин обращена к полуострову провинции Шаньдун.

На этом заканчивается кольцо из одиннадцати периферийных провинций, внутри которого лежат семнадцать центральных провинций, из которых пять самых северных составляют область «колыбели». Завершают административную мозаику различные мелкие образования, такие как городские округа Пекин и Шанхай³, и обладающие особым статусом анклавы Гонконг и Макао. Кроме них следует упомянуть многочисленные автономные образования — области этнических меньшинств: автономные округа в составе провинций либо автономные области, включающие в себя провинцию целиком, как Тибет.

Мы допускаем, что существует более наукообразный подход к изучению географии Китая. На континентальной массе суши размером примерно с Соединенные Штаты Америки и расположенной примерно на той же широте (Тропик Рака, касающийся Флорида-Кис, как раз проходит около Южного Китая) можно найти немало похожих природных условий. Благодаря большой разнице крайних значений температур и высот здесь встречаются и засушливые, и тропические

¹ Так принято называть зависимое от Японии государство, созданное в 1932 г. и уничтоженное в 1945 г. Это редкий случай буквальной фонетической передачи китайского (а не японского) топонима «Маньчжурия».

² Маньчжурское «Гирин ула» переводится как «вдоль реки»: под рекой подразумевается Сунгари. Китайское название Цзилинь (*букв.* «Благовещий лес») является фонетической калькой первой половины маньчжурского слова.

³ К ним стоит добавить Тяньцзинь — «морские ворота» Пекина, а также Чунцин к востоку от Сычуани.

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

КЕЙ ДЖОН

Полная история Китая

Ответственный редактор *Н. Галактионова*

Редакторы *А. Захаров, А. Захарова*

Художественный редактор *М. Левыкин*

Технический редактор *Л. Сеницына*

Корректоры *Т. Филиппова, С. Луконина, Н. Соколова*

Компьютерная верстка *Т. Коровенковой*

В оформлении обложки использована репродукция картины неизвестного художника, созданной в период правления императора Цзяцзин (1522–1566): «Императорский кортеж покидает дворец». Музей императорского дворца, Тайбэй, Тайвань

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 22.04.2024.

Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Garamond».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 59,34.

Тираж 3000 экз. В-НІS-33759-01-Р Заказ №

Изготовитель:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»

115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ

Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

в г. Санкт-Петербурге

191024, Санкт-Петербург,

Херсонская ул., д. 12–14, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:

«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –

«КоЛибри» тауар белгісінің иесі,

115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық

округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19,

E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»

Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы,

191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі,

12–14 үй, лит. А

Тел. (812) 327-04-55

Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін

растуа туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

18+